

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

Рецензия

Book review

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-12-122-133

Философский универсум древнекитайского «Мэнцзы»

Рецензия на книги:

Мэнцзы: в новом переводе с классическими
комментариями Чжао Ци и Чжу Си / исследование,
перевод с китайского, примечание и приложения

И.И. Семененко. – М.: Наука,
2016. – 901 с.

Ранняя конфуцианская проза: Луньюй, Мэнцзы /
перевод с китайского И.И. Семененко. – М.:
Восточная литература, 2016. – 374 с.

А.Е. Лукьянов

Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия

Л.В. Стеженская

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Россия*

Аннотация

Издательством «Наука» опубликована давно ожидаемая отечественной синологией и литературными кругами книга «Мэнцзы» из конфуцианского философского корпуса «Сы шу» («Четверокнижие»). Автор монографии – известный российский китаевед И.И. Семененко, издавший уже целую серию работ по духовной культуре Китая. Предлагаемая читателю книга содержит перевод собственно оригинального текста «Мэнцзы», впервые выполненные переводы двух канонических комментариев Чжао Ци и Чжу Си, а также два историко-философских очерка И.И. Семененко, объединенные в Отдел I «“Мэнцзы” и китайская экзегеза». Издание научно оснащено и снабжено хронологией герменевтической традиции «Мэнцзы»,

солидной библиографией и справочными указателями имен и терминов. Высокий профессионализм позволил автору плодотворно сочетать историко-философскую аналитику с данными смежных дисциплин – мифологии, филологии, истории. Как переводчик автор глубоко погружен в смысловую ткань текста, вместе с тем уделяет значительное внимание к обширным комментариям. Надо сказать, что традиционная китайская философия вплоть до начала XX в. развивалась именно в форме комментариев к классическим сочинениям древности. До последнего времени канонические тексты древней классики в качестве объекта комментирования доминировали в современных историко-философских работах как в самом Китае, так и вообще в зарубежной синологии. Лишь во второй половине 80-х годов XX в. начинает формироваться новое направление – изучение собственно китайской экзегетической традиции. И.И. Семененко – один из немногих исследователей, которые избрали предметом изучения комментарии, сделав их специальным историко-философским объектом изучения.

Ключевые слова: китайская философия, синология, конфуцианство, китайская экзегеза, Сы шу, Мэнцзы, Чжао Ци, Чжу Си.

Лукьянов Анатолий Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра изучения культуры Китая Института Дальнего Востока РАН, руководитель (с российской стороны) Центра изучения китайской и русской культур Сычуаньского университета и Института Дальнего Востока РАН.

lukyanov48@mail.ru

Стеженская Лидия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Института классического Востока и античности факультета гуманитарных наук Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».

liuxie@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4011-6783>

Для цитирования: Лукьянов А.Е., Стеженская Л.В. Философский универсум «Мэнцзы» (рецензия на книги «Мэнцзы: в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си» и «Ранняя конфуцианская проза: Луньюй, Мэнцзы») // Философские науки. 2019. Т. 62. № 12. С. 122–133. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-12-122-133

Philosophical Universe of the *Mengzi*

Books Review:

Mengzi: In a New Russian Translation with Classic Commentaries by Zhao Qi and Zhu Xi
(I.I. Semenenko, Trans., Ed.). Moscow: Nauka.
2016. – 901 pp.

Early Confucian Prose: Analects, Mengzi
(I.I. Semenenko, Trans.). Moscow: Vostochnaya literatura,
2016. – 374 pp.

A.E. Lukyanov

*Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia*

L.V. Stezhenskaya

*National Research University Higher School of Economics, Moscow,
Russia*

Abstract

A new Russian translation of Chinese treatise *Mengzi* from the Confucian philosophical corpus *Si shu* (*Four Books*) was long-awaited by sinologists. The author of the book is the famous Russian sinologist I.I. Semenenko, who has already published a series of works on the spiritual culture of China. The book contains a translation of the original text *Mengzi*, translations of two canonical commentaries by Zhao Qi and Zhu Xi as well as two historical and philosophical essays by I.I. Semenenko on *Mengzi* and Chinese exegesis. The publication is equipped with bibliography, chronology of *Mengzi* hermeneutic tradition, indexes of names and terms. The author professionally combines historical and philosophical analytics with knowledge from related disciplines – mythology, philology, history. As a translator, I.I. Semenenko is deeply immersed in the semantics of the text, at the same time, the book's author pays considerable attention to the extensive commentaries. It is worthy of mention, until the beginning of the 20th century, the traditional Chinese philosophy developed precisely in the form of commentaries on classical works. Until recently, both in China itself and in foreign sinology, researchers were almost exclusively focused on canonical texts. Only in the second half of the 1980s a new research field emerges – the study of the commentaries on canonical texts, the study of Chinese exegetical tradition. Thus, I.I. Semenenko is one of the few researchers who choose commentaries as the object of his historical and philosophical study.

Keywords: Chinese philosophy, sinology, Confucianism, Chinese exegesis, *Si shu*, *Mengzi*, Zhao Qi, Zhu Xi.

Anatoly E. Lukyanov – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of Center for Study of Chinese Culture, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Science; Russian Co-Director of Sichuan University and Institute of Far Eastern Studies' Joint Center for Study of Chinese and Russian Cultures.

lukyanov48@mail.ru

Lidiya V. Stezhenskaya – Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Institute for Oriental and Classical Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.

liuxie@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4011-6783>

For citation: Lukyanov A.E. & Stezhenskaya L.V. (2019) Philosophical Universe of the *Mengzi* (Books Review: *Mengzi: In a New Russian Translation with Classic Commentaries by Zhao Qi and Early Confucian Prose: Analects, Mengzi*). *Russian Journal of Philosophical Sciences*. Vol. 62, no. 12, pp. 122–133. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-12-122-133

Новый русский перевод канонической конфуцианской книги «Мэнцзы» – событие отнюдь не рядовое для исследователей и просто любителей древнекитайской философии. Поэтому книга была выдвинута на конкурс переводов китайской литературы «Вдумчиво всматриваемся в Китай», а уже по этой причине китаисты-философы были вынуждены воздерживаться от ее публичных оценок. В 2018 г. книга объявлена победителем в категории «Древнекитайская литература», что дает нам полное право высказаться о работе И.И. Семененко на страницах печати.

Отметим, что любителей мы упомянули выше не случайно. Наряду с научным изданием вышло и «литературно-художественное» издание «Ранняя конфуцианская проза: Луныюй, Мэнцзы», в которое также вошел новый перевод «Мэнцзы». Малоознакомому с предметом читателю советуем обратиться к предисловию этого издания [Ранняя... 2016, 5–16], чтобы получить общее представление о месте философа Мэнцзы в конфуцианской традиции. В остальном в данной рецензии речь пойдет только о научном издании, указанном первым в заголовке данной рецензии. Оно не только целиком включает всё, что касается «Мэнцзы» из художественного издания, но и академически полно представляет результаты многолетнего исследования. Вместе с текстом собственно «Мэнцзы» приводятся впервые выполненные переводы двух канонических комментариев к нему (Отдел II [Мэнцзы... 2016, 149–812]), а также два историко-философских очерка И.И. Семененко, объединенные в Отдел I «“Мэнцзы” и китайская экзегеза» [Мэнцзы... 2016, 15–148]. Это издание снабжено и необходимым справочным разделом (хронология, библиография, указатели имен и терминов [Мэнцзы... 2016, 815–899]).

В знакомой всем из литературы курсивной исторической схеме конфуцианство представлено основоположником учения Конфуцием (551–479 гг. до н.э.), продолжателем его дела Мэнцзы (более распространено написание имени через дефис – Мэн-цзы, Учитель Мэн, т.е. философ Мэн Кэ, 371–289 гг. до н.э.) и средневековым реформатором учения, основателем неоконфуцианства Чжу Си (1130–1200). К Мэнцзы, школе или даже кисти которого принадлежит названная его именем книга, признание в качестве «второго премудрого» в конфуцианстве пришло не сразу. Хотя уже во II в. до н.э. «Мэнцзы» считался авторитетным текстом и затем, в разные периоды на протяжении Средневековья, использовался в государственной экзаменационной системе, окончательное его признание состоялось только в начале XV в., когда книга вошла в печатное издание конфуцианского «Тринадцатиканония». Это событие было подготовлено еще в XII в. созданием Чжу Си свода «Сы шу» («Четверокнижие»), своеобразного неоконфуцианского катехизиса, с включением в его состав «Мэнцзы» для обоснования обновленной системы конфуцианского учения. Таким образом, идеи Мэнцзы оказались чрезвычайно «эластичными», оставаясь связующей нитью конфуцианской мысли на протяжении более двадцати веков вплоть до современного философского постконфуцианства в США, в Китае и на Тайване.

Обсуждаемый здесь перевод в прямом смысле слова новый. Он последний по времени в ряду других русских переводов этого древнекитайского памятника. Не собираясь вдаваться здесь в лингвистические тонкости перевода, беремся все же утверждать, что на данное время это наиболее близкий оригиналу текст «Мэнцзы» на русском языке. Но не только этим определяется новизна работы И.И. Семененко. Главная особенность и достоинство книги состоит в своего рода философском «метаязыке», используемом И.И. Семененко для представления конфуцианских идей Мэнцзы в отмеченных выше историко-философских очерках (Отдел I), а также в рассредоточенных по всей книге пояснениях и примечаниях переводчика к 260 главам – отдельным диалогам Учителя или его собственным монологам, которые и составляют книгу «Мэнцзы». Думаем, с нами многие согласятся в том, что региональная и языковая специализация наиболее сказывается в работах наших философов-китаеведов. Это в свою очередь препятствует научному диалогу с коллегами даже близкого восточного профиля. И.И. Семененко попытался преодолеть узость

профессиональных рамок китаеведения и вывести разговор о Мэнцзы на широкую аудиторию.

Хотя это специально и не оговаривается в книге, но сравнительный метод анализа понятий и категорий присутствует в ней повсеместно. Очевидно также, что Семененко апеллирует к образовательному багажу всех философов, знакомых в силу своей профессии с древнегреческой философией. Сократ, Платон и Аристотель представлены в указателе имен, но достаточно бросить взгляд на указатель терминов, чтобы понять, что Семененко нередко апеллирует и к досократовской философии. Это объясняется тем, что, как считает Семененко, у Мэнцзы «универсумом рассуждения» выступает метафора. Операции с «метафорами как понятиями» определяют «китайский вид философии на этапе ее становления», что находит свой близкий аналог в древнегреческой философии «до того времени, когда Аристотель достиг сравнительно полной формализации мысли» [Мэнцзы... 2016, 40].

Семененко находит многочисленные соответствия философии Мэнцзы с Платоном (материя, танец и др. [Мэнцзы... 2016, 45 и далее]), Сократом и стоиками (интеллектуальный акт как волевой, человеческая природа, страдание, приемы спора и др. [Мэнцзы... 2016, 45, 49 и далее]) и другими древнегреческими и древнеримскими философами. Однако большинство идейных аналогий Мэнцзы Семененко усматривает с философией Аристотеля. Здесь мы встречаем понятие сущности [Мэнцзы... 2016, 46], роль человека как завершителя природных процессов [Мэнцзы... 2016, 42], топос [Мэнцзы... 2016, 58], китайское *ци* (в переводе Семененко *порыв*) и аристотелевскую *энергейю* [Мэнцзы... 2016, 277], понятие дружбы [Мэнцзы... 2016, 593–594 614] и множество других. Автор философских очерков тем не менее не позволяет себе перейти грань допустимого вывода относительно таких аналогий и отмечает, что речь в этом случае может идти только об «отдельных соответствиях между учениями Мэнцзы и Аристотеля, Платона или какого-либо еще античного философа, а не о сходстве их философских систем, в контексте которых эти сходства получают разное значение» [Мэнцзы... 2016, 46].

Философия Мэнцзы в западной и российской синологии традиционно рассматривалась как этико-политическое учение. Главной в нем виделась проблема общества и человека, идеального устройства «гуманного управления» народом в условиях «просвещенного деспотизма». Основой для такой этики выступала

идея врожденной «доброй природы» человека. В то же время в философской системе Мэнцзы остается малоисследованным тезис о единстве «Неба» и человеческого «сердца» и возможности познания мира через самопознание, хотя именно он был позднее востребован в становлении неоконфуцианства. И.И. Семененко в первом очерке «Парадоксы доброты» из Отдела I [Мэнцзы... 2016, 15–75] обсуждает аспекты философии Мэнцзы в «систематическом и обобщенном виде», но при этом отмечает, что космолого-онтологические взгляды Мэнцзы будут представлены здесь «не как самоцель, а для более глубокого понимания его гносеологии и этики» [Мэнцзы... 2016, 12]. Обобщенность рассмотрения некоторых философских вопросов в очерке объясняется наличием перевода книги «Мэнцзы» во втором Отделе, где каждой главе сопутствует комментарий переводчика, в котором продолжается уже подробное обсуждение затронутых ранее тем. Даже неподготовленному читателю заметно большое внимание Семененко к вопросам познания, а знакомому с «Мэнцзы» китаеведу вдвойне заметно, что, в отличие от других работ, вопросы гносеологии выдвинуты исследователем на первый план, что и делает его работу новой и интересной.

Исходной точкой познания, по мнению Семененко, для Мэнцзы выступало решение логического затруднения, проблемы. «Разумность» понималась им как набор определенных правил и приемов. «Собственно, все эти правила представляет сам Мэнцзы и своей философией, ее принципами, и тем, как он старается убедить в ней других людей», – заявляет Семененко [Мэнцзы... 2016, 58]. Основываясь на наличии определенной «техники», он находит логичность в философии Мэнцзы, но не может отнести такую логику «к чисто формальной». Хотя она «сближается с тем, что Гегель относил к особенностям спекулятивного мышления», для Семененко остается очевидной ее риторичность. Таким образом, логика Мэнцзы «представляет собой в значительной мере логику риторической аргументации, оперирующую сокращенными или риторическими силлогизмами, энтимемами, выступающими в качестве общих мест – топосов» [Мэнцзы... 2016, 58].

В связи с таким утверждением становится понятен конкретный метод исследования и изложения его результатов автором. Доказывая, что риторика не была самодовлеющей, а служила целям логических построений для выработки философской системы Мэнцзы, Семененко вынужден обнажать логические приемы и до-

страивать неполные силлогизмы Мэнцзы. Для этого используется терминология современной формальной логики с включением логических символов. Это позволяет специалисту-логике чувствовать себя в дискуссии абсолютно в своей среде, хотя по этой же причине китаеведу приходится обновить кое-что из своего научного аппарата, к его собственной пользе, конечно.

Семененко отмечает, что на логичность диалогов Мэнцзы впервые обратил внимание Д. Лау [Мэнцзы... 2016, 60]. Этот известный переводчик книги «Мэнцзы» на английский язык (первое издание – 1970 г.) и другие сторонники большей, чем принято думать, рациональности древнекитайской философии смогли разглядеть в ней лишь метод аналогии. Семененко же дал значительно более полный и разнообразный реестр логических приемов и при этом, приводя номера глав, указал их частотный рейтинг. Мэнцзы использует различные виды силлогизмов, большинство из которых квалифицируются как дедуктивные, а наиболее часто используемым среди них является транзитив (чисто условное умозаключение). Однако аналогия, один из видов индукции, выступает «главной основой аргументации» Мэнцзы [Мэнцзы... 2016, 59], что и объясняет внимание именно к ней Лау и других исследователей.

Подробный разбор логических приемов и риторических фигур Семененко приводит в комментариях, своего рода аналитических послесловиях, к каждой из 260 глав книги «Мэнцзы». Текст перевода заставляет читателя прежде всего обратить внимание на национальную и историческую специфику топики Мэнцзы, а логический комментарий переводчика позволяет освоиться в этой несколько непривычной культурной среде. Стоит отметить, что эта часть работы Семененко (переводы с комментариями-послесловиями) может служить прекрасным материалом для учебных занятий по ряду гуманитарных дисциплин, в зависимости от методики преподавания находя себе применение как в лекционных, так и в практических, семинарских курсах.

Нередко непривычными, или, другими словами, не первыми приходящими в голову, являются аналогии Мэнцзы. Достаточно известно описание Вольвей горы у Мэнцзы (гл. 11.8 [Мэнцзы... 2016, 642–643]), в котором, согласно Семененко, представлена «аналогия по пропорции». Лысая гора в пригороде большого города некогда была покрыта лесом. Лес вырубili люди, а молодую поросль ежедневно уничтожает выпасаемый

там скот. Аналогия растительности горы и изначально доброй (положительной) природы человека, страдающей под ударами неблагоприятной среды, для нас совсем не очевидна. Мы бы связали человеческую природу с каким-то другим свойством горы, с массивностью ее горных пород, например. В данном случае Семененко оставляет без объяснения такой диссонанс нашего ожидания и выбора аналогии у Мэнцзы, но в еще самой первой главе перевода он дает очень важное объяснение скрытой логической работе внешне явленной аналогии.

Глава 1.1 [Мэнцзы... 2016, 162–167] рассказывает о разговоре Мэнцзы с правителем-ваном царства Лян. Лянский царь Милостивый спросил о выгоде для своего государства, а Мэнцзы перевел разговор на человечность и справедливость и показал, что только они могут обеспечить преданность подданных царю, тогда как выгода приведет к соперничеству, и «княжество окажется в опасности». Явным порядком Мэнцзы говорит, что понятие выгоды, с одной стороны, и понятия человечности и справедливости, с другой, несовместимы, противоположны друг другу. Семененко приводит подробный анализ аргументации, которая позволяет сделать вывод о несовместимости понятий, но от его внимания не ускользает и «определенная неполнота логического вывода», т.к. в подтекст рассуждения уводится первоначальная главная тема выгоды для государства. Принимая и ее в расчет, исследователь приходит к выводу, что данным рассуждением Мэнцзы говорит о допустимости разговора о выгоде только «при условии, что речи о человечности и справедливости имеют обязательный характер» [Мэнцзы... 2016, 165].

Такое несовпадение или неполное совпадение планов изложения и содержания мысли найдется немало в книге «Мэнцзы». Их можно было бы отнести на счет субъективного восприятия читателя. Однако Семененко смог доказать в своей работе, что такая неполнота вывода или аналогии характерна для конфуцианской философии, и сделал он это историко-философскими методами, находя подтверждение своим находкам в текстах более поздних традиционных комментариев к «Мэнцзы».

В этом случае мы говорим еще об одной стороне новизны работы И.И. Семененко. Кроме перевода самой канонической книги «Мэнцзы» он также впервые в нашей и зарубежной синологии выполнил полные переводы канонических комментариев и предисловий к ней древнекитайского ученого Чжао Ци (108–201) и самого

авторитетного неоконфуцианца Чжу Си (1130–1200). Комментарий первого сопутствует «Мэнцзы» в составе «Тринадцатиканония», а комментарий второго – в составе «Четверокнижия». Эти тексты Семененко приводит в Отделе II [Мэнцзы... 2016, 149–812] после соответствующих глав книги «Мэнцзы».

Многим должно быть известно, что тексты китайской философской классики, которым зачастую более 2000 лет, практически невозможно прочесть и понять без комментариев. Но немногие, наверное, знают, что традиционная китайская философия (вплоть до начала XX в.) в основном существовала и развивалась в форме комментариев к классическим сочинениям древности. До последнего времени объекты комментирования, канонические тексты древней классики, доминировали в современных историко-философских исследованиях как в самом Китае, так и за границей. Лишь во второй половине 80-х годов XX в. начинает формироваться новое направление – изучение собственно китайской экзегетической традиции [Мэнцзы... 2016, 76]. В нашей стране переводы полных комментариев представлены очень скромно – это тексты, относящиеся к «Великому учению» («Да сюэ») и «Книге перемен» («И цзин») (см. публикации А.И. Кобзева, В.М. Яковлева, А.Е. Лукьянова), которые и в оригинале имеют форму отдельных сочинений. Комментарии к «Мэнцзы» в китайских изданиях рассыпаны по книге, всегда оставаясь привязанными к какому-то отдельному пассажи, фразе или даже слову текста канона. Семененко выбрал компромиссную форму подачи текста оригинала. Все комментарии к одной главе были сведены в совмещенные комментаторские пояснения Чжао Ци и Чжу Си, место которых в каноническом тексте в китайских изданиях «Мэнцзы» указывается через пронумерованные ссылки. Чтение при этом, естественно, не становится гладким, т.к. постоянно приходится листать книгу от канона к комментарию и обратно. Но это же позволяет читателю сделать то, чего и добивался Семененко, – взглянуть на текст комментария как на самостоятельное философское сочинение, а также дает возможность переводчику приводить свои замечания и суждения уже по тексту этих комментариев. Предпринятая, определенно успешная, попытка И.И. Семененко важна тем, что показывает возможность колоссального расширения поля деятельности историка традиционной китайской философии, внушает уверенность в перспективности этой научной профессии. И это же дает возможность через герменевтику значительно

приблизить исследования древнекитайской философии к нашим нынешним потребностям изучения современного Китая.

Как и в случае с учением Мэнцзы, общим вопросам всей китайской герменевтики, в частности и герменевтике книги «Мэнцзы», в первом Отделе посвящен специальный очерк «В диалоге с Мэнцзы (герменевтические аспекты изучения Мэнцзы)» [Мэнцзы... 2016, 76–148]. Проблематике комментариев Чжао Ци и Чжу Си к «Мэнцзы» посвящена вторая часть очерка (гл. VI–IX [Мэнцзы... 2016, 102–148]). Хотя и в достаточной мере условно, Семененко относит эти два комментария, хронологически отстоящие друг от друга на тысячу с лишним лет, к двум выявленным им «объяснительной» и «метафорической» тенденциям в китайской герменевтике. Первая преобладала до XI в. и больше полагалась на филологические и исторические доказательства. Ярким представителем второй тенденции стал Чжу Си. Его комментариям более свойственна философичность, склонность к исследованию принципов сущего (*ли*) [Мэнцзы... 2016, 95]. Однако в силу «диалогичности» текста «Мэнцзы», тоже представляющего герменевтику, но в очень ранний ее период, определенная «метафоричность» оказывается присуща и Чжао Ци. Заметим, что, возможно, именно некоторая «несвоевременность» учения Мэнцзы для древнекитайской экзегезы служила причиной долгой неопределенности положения книги «Мэнцзы» в официальном конфуцианстве. И это же сделало возможным ее канонизацию при смене герменевтической тенденции. Об этом косвенно и говорит Семененко, когда сообщает о сформировавшейся ортодоксальной линии в комментировании «Мэнцзы» к XIII в. [Мэнцзы... 2016, 12].

Рассмотрение общих вопросов китайской герменевтики, а также обзор и обобщение результатов зарубежных исследований в этой области представлены в первых главах названного очерка (гл. I–V [Мэнцзы... 2016, 76–102]). Эта часть очерка содержит новую важную и малоизвестную информацию, она же готовит конкретный разговор о частной герменевтике «Мэнцзы». Мы, пожалуй, обратили бы внимание на определенную фоновую тему и вопрос, который остается у Семененко без ответа. Автор очерка одну и ту же комментаторскую традицию называет то герменевтикой, то экзегетикой, как бы стараясь затушевать их терминологические различия и отгородиться от проблемы толкования книги «Мэнцзы» как светского или священного писания. Проблема конфуцианства как религиозного или светского учения стоит в зарубежной синологии с конца XVI в. и все еще не имеет

определенного решения. По замечанию А.И. Кобзева, выдающийся российский китаевед, бывший архимандрит, а позже простой монах Н.Я. Бичурин дал для конфуцианства приемлемое рабочее определение «религия ученых». Семененко вполне оправданно избегает ненужного в свете задач его исследования обсуждения этого вопроса по существу содержания конфуцианских идей, переводя его в плоскость социологии, и говорит об ортодоксальности идей Мэнцзы, т.е. об их месте и влиянии в обществе. Вопросу каноничности и сакральности сочинений древних конфуцианских мудрецов, конфуцианской ортодоксии посвящены главы II и III [Мэнцзы... 2016, 78–87]. Семененко находит, что на Мэнцзы «уже с древности... лежала печать святости, еще более утвердившаяся в Средние века» [Мэнцзы... 2016, 80].

Выше мы постарались представить новую книгу о древне-китайском философе Мэнцзы И.И. Семененко широкому кругу наших коллег по философскому цеху. Подчеркнем еще раз, что задачи этого блестящего исследования и форма изложения его результатов дают в руки специалистов самого широкого профиля и широкой региональной специализации весьма интересный и полезный материал. Чтобы не разочаровать китаеведов, заметим также, что в книге содержится много ценного и нового относительно китайской древности, включая не только философию, но и смежные области филологии, мифологии, истории. Эти вопросы целесообразнее будет обсудить в нашем тесном кругу китаистов-классиков на другой дискуссионной площадке.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Мэнцзы... 2016 – Мэнцзы: в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си / исследование, перевод с китайского, примечание и приложения И.И. Семененко. – М.: Наука – Восточная литература, 2016.

Ранняя... 2016 – Ранняя конфуцианская проза: Луньюй, Мэнцзы / перевод с китайского И.И. Семененко. – М.: Восточная литература, 2016.

REFERENCES

Semenenko I.I. (Ed. & Trans.) (2016a) *Mengzi: In a New Russian Translation with Classic Commentaries by Zhao Qi and Zhu Xi*. Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura (in Russian).

Semenenko I.I. (Ed. & Trans.) (2016b) *Early Confucian Prose: Analects, Mengzi*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).